

Профессор Е. Д. ПОЛИВАНОВ,
Действительный член Российской Ассоциации Н.-Исследова-
тельских Институтов (по Восточной Секции).

ЛБ 12 81

Уу

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА
□ □ □ УЗБЕКОВ. □ □ □

Фундаментальная
Библиотека
КОСАНЕНКО Т. В.

Выпуск первый.

ПОРАЖЕНО

БИБЛИОТЕКА
ПОРАЖЕНО
ПРОБЛЕМА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И НАИМЕНОВАНИЕ УЗБЕКОВ.

Проверено 1937 г.

Узбекское Государственное Издательство.
Ташкент.
1926 г.

ТАШКЕНТ. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
528731 ✓

Ташобллит № 31

Заказ № 159. Тираж 4000.

Ташкент. вып. № 2 Узгосиздата.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ.

В нижеследующем опыте «Этнографической характеристики узбеков» мне пришлось взяться за работу, не составляющую моей ближайшей специальности (хотя, разумеется, этнографический материал тесно связан с лингвистическим исследованием, почему и является близким исследователю—лингвисту по специальности). Мое дело, однако, в значительной мере было облегчено существованием солидной уже литературы об узбеках—этнографического содержания (в то время, как лингвистической литературы об узбекском языке, наоборот, совсем нет). И действительно, нельзя было не использовать прекрасные работы, оставленные нам прошлым поколением туркестановедов, в числе которых—Наливкин и Наливкина, Шишов, Остроумов и т. д.

В настоящей работе я отнюдь не ставлю себе, однако, столь обширной задачи полного этнографического описания узбеков, каковая, например, в свое время была поставлена и осуществлена А. Шишовым в его «Сартах» (Этнографическое и антропологическое исследование. Часть I. Этнография. Ташкент, 1904). Начиная свою работу, я хотел дать лишь тот материал (этнографического характера), который был бы необходим для всестороннего использования собранных мною (совместно с К. К. Юдахиным) лингвистических текстов по разным говорам узбекского языка. И лишь по предложению Издательства я несколько расширил затем рамки работы, которая все-таки, повторяю, отнюдь не претендует на полноту—ни в смысле описываемой мною территории узбекского населения (—я описываю преимущественно 1) ташкентцев, 2) земледельческое население северно-узбекского района—Чимкентского уезда), ни в смысле самой программы этнографического описания, которое я ограничил нижеследующим рядом вопросов:

1. Происхождение и наименование узбеков.
2. Основные исторические моменты.
3. Общий очерк производства (основные занятия).
4. Общий очерк потребления (пища, одежда и пр.).

5. Наркотики.
6. Религия.
7. Женский вопрос (и вопросы пола вообще).
8. Народное литературное творчество.
- 9*) Просвещение (школа) и литература (с театром).

По требованию Госиздата книга выходит отдельными выпусками.

Фонетическая транскрипция, которой я пользуюсь для передачи произношения узбекских слов, описана в I выпуске моей «Краткой грамматики узбекского языка».

Приношу сердечную благодарность за ценные указания и помощь в моей работе преподавателю узбекского языка в Ленинградском Институте Живых Восточных Языков К. К. Юдахину, а также Н. П. Архангельскому (Председателю Педагогической Комиссии Уз. Ак. Центра) за постоянную поддержку, оказанную мне, как при данной, так и при других моих работах по Туркестановедению.

Евгений Поливанов.

*) Подобных глав могло бы быть втрое больше — я не говорю, например, ни об узбекской музыке, ни об изобразительных искусствах (в том числе об орнаменте), ни о прочих, имеющих первостепенный интерес для этнографа, элементах узбекской культуры; все это — потенциальные темы для особых самостоятельных работ. Поэтому на настоящую мою работу правильнее смотреть именно как на совокупность нескольких глав по некоторым вопросам узбекского быта, но не как на описание этого быта в целом. Полагаю, что независимо от старой литературы — появится, благодаря изучению края на новых началах (именно при активном участии самих узбеков), ряд работ монографического характера по отдельным вопросам. Наконец, — что касается лично моих работ, — то главный-то материал для этнографа дадут сами собранные мною (и К. К. Юдахиним) тексты, на возможность издания которых я продолжаю надеяться.

Е. Н.

Г Л А В А I.

Происхождение и наименование узбеков.

Та часть узбекской нации, которая носила в до-революционной практике имя «сартов» (что отличало ее от «собственно узбеков»), характеризовалась в представлении исследователей, прилагавших к ней это имя («сарты»), не только этническими или языковыми, но — и преимущественно даже — экономическими признаками. Именно под «сартами» понималось вполне оседлое земледельческое и торговое, турецкое (или «тюркское») по языку, население, составлявшее большинство в областях: Самаркандской и Ферганской, в Хиве и в Бухаре, а в Сыр-Дарьинской области занимавшее следующее по численности место за казак-киргизами («казаками» по нынешней терминологии). Итак, слово «сарт» в устах исследователей предшествующего поколения значило: — турок (т. е. представитель одного из турецких, или «тюркских» племен), говорящий на «средне-азиатско-турецком» языке, — не кочевник, а земледелец или торговец, — из каких-то составляется крупная (а в четырех из ниже-названных районов и крупнейшая) часть населения Самаркандской области, Ферганской области, Бухары, Хивы и Сыр-Дарьинской области.

В отличие от «сартов», полу-кочевое и кочевое население тех же приблизительно районов (главным образом Самаркандской области и Хивы), говорящее тоже на «средне-азиатско-турецком» языке, и не принадлежавшее ни к киргизам (— ни к казак-киргизам, ни к кара-киргизам), ни к туркменам, — называли узбеками; этим же именем («узбеки») называло себя и само данное (кочевое и полу-кочевое население) население, помнящее о своей принадлежности к одному из родов узбекского племени (число этих родов, равнявшееся в I-ой половине XVIII века — 92, не оставалось постоянным, подвергшись сильному увеличению).

Разница по языку между «сартами» (по прежней терминологии), особенно «сартами» крупных городских центров, — например, Ташкента (تاشكەند ташкәнд), и с другой стороны, полу-кочевыми «собственно узбеками», например, узбеками в Самаркандской области*), — действительно существует.

*) Но только не в самом городе Самарканде, основное население которого не принадлежит вообще к узбекам (ни к «сартам», ни к «собственно узбекам»), а является таджикским (تاجک یا تاجک تاجک), т. е. иранским и по крови, и по языку.

Но, во-первых, эта разница отнюдь не может быть приравнена к таким резким, позволяющим уже бесспорно говорить о двух разных языках различиям, как разница между узбекским (т. е. «средне-азиатско-турецким» языком «сартов» и «собственно узбеков») и казак-киргизским языком*), или разница между тем же узбекским и туркменским языком; или, если хотите, — как разница между обоими «киргизскими» языками: казак-киргизским (قازاق تىلى) и кара-киргизским (قرغز تىلى). Во всяком случае с точки зрения прежних исследователей тут (и у «сартов», и у «собственно узбеков») был один и тот же «средне-азиатско-турецкий язык».

Во-вторых, — и это самое главное, — эта диалектическая разница (между «сартами» и «узбеками» по старой терминологии) не совпадает со своим границам с различием социально-экономическим. «Собственно узбеки» (—не «сарты») — т. е. полу-кочевое население, — говорят на не-иранизованном диалекте «средне-азиатско-турецкого языка», но было бы ошибкой думать, что все «сарты» по прежней терминологии, т. е. все оседлое, — земледельчески-торговое население говорит на ира-

*) Между казак-киргизским — казакским (قازاق تىلى) и узбекским («сартским» или «сартовским» или «средне-азиатско-турецким» по прежней терминологии) языками — ряд фонетических (т. е. звуковых) и морфологических (т. е. грамматических) отличий проводит (не говоря уже об отличиях словарных) такую границу, что здесь несомненно приходится видеть 2 различных турецких языка. Упомяну хотя-бы следующие специфические особенности казак-киргизского языка (отсутствующие в узбекском): переход ч → ш (этот переход отсутствует лишь у казак-киргизов Зайсанского и Усть-Каменногогорского уезда), переход ш → с, и переход начального й'ота: й → дж → ж (отсутствующий в большинстве узбекских говоров). Таким образом, узбекскому слову чочқа چوقچه соответствует казак-киргизское («казакское») шошқа شوشقا, узбекскому йшш соответствует казакское жас جاس (значение: «молодой»; начальное й → дж, откуда затем → ж; конечное ш → с); затем можно назвать наличие в казак-киргизском звука е вместо узбекского а в не-первых слогах, — например, казак-киргизское жигиттер جيگيتتەر узбекское йигитләр ييگيتلەر (множественное число от йигит «йигит, джигит, молодец»); наконец целый ряд специфических киргизских изменений групп согласных, например, тл → тт (в выше указанном примере жигиттер جيگيتتەر), лл → лд (молда مولدا вместо «мулла») и т. д. Что же касается разницы между узбекским и туркменским (تورکمن تىلى) языками, то разница эта еще больше (чем между узбекским и казак-киргизским), ибо туркменский относится уже к резко обособленной группе турецких языков: именно к «Юго-западной» (куда входят кроме туркменского еще азербайджанский и османский, или в узком смысле слова «турецкий» язык), тогда как узбекский принадлежит к «Юго-восточной» группе турецких языков. Упомяну хотя-бы такие фонетические (звуковые) отличия туркменского языка, как озвончение начальных глухих согласных (например, узбекскому таш «камень» соответствует туркменское داش داش; узбекскому коз «глаз» — туркменское گوز گوز и т. д.), сохранение древних (обще-турецких) долгот гласных (благодаря чему в туркменском различаются, например, — исключительно по длительности гласного — слова бар بار «иди!» и бар (двоеточие означает, что а — долгие) بار «есть, имеется»; в узбекском оба слова звучат одинаково бар بار), и т. д. и т. д.

низованном диалекте. Иранизованный диалект, (т. е. такие говоры, которые, под влиянием иранского, именно восточно-персидского или таджикского языка, утратили чистоту турецкой речи и лишились, между прочим, такой типично-турецкой особенностью, как «сингармонизм», или «гармония гласных») принадлежит только сравнительно небольшой части оседлого, — земледельчески-торгового населения, — главным образом торговому населению крупных городских центров в роде Ташкента*). Во многих же местах, наоборот, оседлое население (т. е. «сарты» по старой терминологии) говорит на не-иранизованном диалекте, (который сохранил типичные турецкие особенности, как-то — «сингармонизм», или «гармонию гласных»; поэтому мы и будем «не-иранизованный» диалект называть «сингармонистическим», а «иранизованные» говоры, каков например Ташкентский, — «не-сингармонистическими»).

Итак мы видим, что языковые признаки не совпадают (по территориальным границам диалектических различий) с социально-экономическими признаками, на которых основывалось прежнее деление: на оседлых (земледельчески-торговых) «сартов» и полу-кочевых «узбеков». А значит, языковые данные не позволяют говорить о двух народах (—одном оседлом, другом — полукочевом), которые обладали бы двумя разными языками (— «сартовским» и «узбекским»).

Примечание. Упомянувшееся здесь простое деление узбекских (—в нашем, широком смысле) говоров на два диалекта: иранизованный (не-сингармонистический) и не-иранизованный (сингармонистический) отнюдь не должно давать повода думать, что внутри каждого из этих двух диалектов наблюдается полное сходство между отдельными говорами (отдельных городов и кышлаков.) Наоборот, между говорами оседлых узбеков (как внутри принадлежащих к «иранизованному», так и к «не-иранизованному» диалектам) наблюдаются большие различия, — значительно большие, чем, например, между отдельными говорами казак-киргизского или даже туркменского языков (казак-киргизский или «казакский» (قازاق تىلى) язык может служить примером языка, обладающего минимальными диалектическими различиями на всей огромной территории, занятой этим языком**). Говоры узбекских

*) Поскольку узбекский язык существует в городах Самарканде и Бухаре (где основной язык населения — таджикский), мы в них встречаем тоже иранизованный диалект узбекского языка (как и в Ташкенте).

***) Это отсутствие диалектических различий внутри казак-киргизского языка, может быть, стоит в связи с поздним образованием казакского (—казак-киргизского) племенного коллектива (—XV, XVI вв.), а может быть, и с характерной особенностью казакского быта — кочевничеством (в чем кочевые казак-киргизы побивают рекорд перед другими кочевниками дальностью своих переездов — например: от Каспия до Китая).

кышлаков, отстоящих друг от друга на 10—20 километров, часто отличаются целым рядом признаков (несмотря все-таки на общую их принадлежность к одному из двух вышеназванных диалектов, например — к „не-иранизованному“ диалекту). Это обилие диалектических различий внутри узбекских диалектов объясняется различными условиями и различными пропорциями в гибридизации*) и метисации**), имевших место при образовании единичных узбекских говоров в каждом отдельном пункте территории оседлых узбеков (ясно, что на составе говора должно отразиться то, какая чуждая языковая примесь вошла в него при его образовании, а также то, каково было процентное соотношение двух смешивавшихся в этом процессе народностей). Кроме того, для диалектических различий в говорах оседлых узбеков мог иметь значение их „ультра оседлый“ образ жизни: сношения между отдельными населенными пунктами были весьма и весьма затруднены, почему потребность в языковом обмене между жителями отдельных кышлаков почти не существовала; на поездку за 50—60 километров смотрели уже как на громадное путешествие (в этом большую роль играла опасность путешествия). Еще теперь часто можно найти мужчин, достигших почтенного возраста и никуда не выходивших из родного кышлака (даже в соседний, за 10 километров отстоящий кышлак); еще менее подвижны, разумеется, были женщины. Это отсутствие обще-племенного объединения (сказавшееся в отсутствии общего для ряда кышлаков единого говора) обнаруживается, между прочим, и в тех наименованиях, которые привыкли давать себе оседлые узбеки — исключительно по имени своего родного пункта (города или кышлака, например: мйн ташкән(д)лік-мйн مدن تاشكندلك «я ташкендец»; — мйн-

*) Под гибридизацией понимается смешение не-родственных языков (например турецкого с персидским), в результате чего получается «гибридизованный» язык или диалект (каков, например, иранизованный диалект узбекского языка).

**) Под метисацией (от слова «метис») понимается смешение двух (или более) родственных языков (или диалектов), например смешение между собою двух славянских, или же двух турецких языков; в результате получается метисованный язык (или диалект), — таков например современный литературный русский язык, происшедший из смешения (метисации) двух славянских языков: церковно-славянского (т. е. древне-болгарского языка, на который было переведено евангелие и который был в древности литературным языком для русских, как и для всех славян греко-кафолической, т. е. «православной» веры). Среди узбекских говоров мы встречаем метисацию в некоторых из северо-узбекских говоров, — где имело место некоторое смешение с казакским (казак-киргизским), а также и с туркменским (дело в том, что раньше туркмены жили на северо-восток от нынешнего Туркменистана, т. е. как раз в районе современных северо-узбекских говоров).

кйтликмән مدن مەنكەنتلك مدن «я — Манке(н)тец, т. е. из Манкента»; — қарабулақлықман — قارا بولاقلىق مەن «я — Карабулакец, т. е. из Кара-Булака» и т. д.), но не по имени страны или племени.»

Другое дело для даного вопроса: о существовании этнической разницы между „сартами“ и „собственно узбеками“ (старой терминологии) — уже не языковые, а бытовые и антропологические (т. е. говорящие о разном происхождении по крови) данные. Традиции кочевого быта, поскольку они еще живы у полукочевых узбеков („собственно узбеков“) и сравнительное отсутствие (по сравнению с Ташкентцами или Бухарцами, например) примеси иранской крови, наконец, сам полу-кочевой быт (положим, сходящий на нет в последнее время**) представляют говорить о полукочевых узбеках отдельно от земледельчески-торговых („сартов“). Поскольку в настоящей очерке я буду иметь в виду только последних, т. е. только земледельческое и торговое население (при том, преимущественно, лишь 2 районов: Ташкента и кышлаков Чимкентского уезда) я позволю себе не останавливаться на этом вопросе — об этнографическом выделении (из узбекской нации, как целого) „собственно узбеков“.

Привычным и даже приевшимся объяснением происхождения оседлых земледельчески-торговых узбеков (или „сартов“ по прежней терминологии) служит указание на наличие в них смеси турецкого и иранского элементов. Турки, пришедшие или неоднократно приходившие (как завоеватели) с севера, смешались с аборигенным (коренным, исконным) иранским населением, которое уже в эпоху первого появления турок в Туркестане предполагается оседлым, и вступили с ним в этническое смешение, переняв от этого иранского элемента его быт, занятия и места оседлости, но сохранив (и передав своим потомкам) свой турецкий (хотя и подвергшийся влиянию иранского) язык.

Итак, в оседлых узбеках можно с уверенностью видеть народ, гибридный по происхождению. Мне остается привести некоторые — различного характера — аргументы, устанавливаю-

*) Вместе с тем можно признать, что у оседлого узбека (не знаящего — в отличие от узбека полу-кочевого — своей родовой принадлежности) не было патриотизма в смысле привязанности к стране (а тем более к правительству, каковые часто менялись), а был лишь „Локаль-патриотизм“, — привязанность к своему родному городу или кышлаку. Именуя себя на вопрос كىم سەن «кто-ты?» — или по имени родного города (تاشكەندلك) (قارا بولاقلىق مەنكەنتلك) или родного кышлака (قارا بولاقلىق مەنكەنتلك) (и т. д.), или же именуя себя «мусульманином» (مەن مۇسۇلمان مەن), оседлый узбек обличал тем самым, что в его самосознании нет других признаков кроме его места рождения и его религии.

**) Но все-же характерно наличие 2 домов у этих оседающих на землю «узбеков»: рядом с обычной постройкой (— там تام) имеется и кибитка (بوي).

шие это смешение, чему я предпослал только одну необходимую оговорку.

Как бы ни были очевидны факты этнического смешения, его отнюдь нельзя предполагать, как нечто однородное и в одинаковых пропорциях и условиях имевшее место—для всех ныне оседлых узбеков, для всех пунктов узбекской территории. В то время, как в одном месте правильное будет, может быть, говорить об „об'ираненных“ (или иранизованных) турках,—в другом следует видеть туркизованных иранцев. Уже существование двух категорий говоров: иранизованных (утративших сингармонизм) и не-иранизованных (—сингармонистических), говорит нам за разные соотношения элементов смешения. А принимая во внимания то, что рядом с узбеками (часто в одних и тех же городах и в узбекском окружении живут еще иранцы,—по языковому признаку, именно тоджики*) [تاجیک или تاجک], сохранившие до сих пор свой восточно-персидский, или тоджикский язык,—мы можем установить следующие градации по соотношению элементов (турецкого и иранского) в тех процессах этнических смешений, которые происходили—в разных пунктах—на территории нынешнего Узбекистана.

Имя коллектива.	Язык.	Быт.
I. Тоджики. (Например: в некоторых пунктах в Ташкентском уезде, в Самаркандской области и гор. Самарканде, очень часто в узбекском окружении: в городах Самарканде, Бухаре, Коканде и др.).	Иранский (—тоджикский).	Оседлый (т. е. исконно-иранский).
II. Узбеки — («сарты» по старой терминологии) крупнейших городов (Ташкент).	Турецкий (—узбекск.), но иранизованный, не сингармонистический.	Оседлый (т. е. исконно-иранский).

* Вопреки принятому обыкновению я пишу «тоджики», а не «таджики»,—руководствуясь туземным (как узбекским, так и тоджикским) произношением слова تاجیک или تاجک — тоджик.

III. Узбеки («сарты» по старой терминологии), но не городское, а кышлачное население многих мест Узбекистана, а также узбекских-кышлаков, отошедших ныне в состав Казахстана (—северно-узбекского района).	Турецкий (—узбекск.), неиранизованный (—точнее сравнительно мало иранизованный*)—сингармонистический.	Оседлый (т. е. исконно-иранский)
IV. Узбеки—«собственно узбеки» (по старой терминологии).	Турецкий (—узбекск.) неиранизованный, сингармонистический.	Полу-кочевой (т. е. наследие исконно-турецкого быта).

Ташкентцы, следовательно, должны быть отнесены ко II-й из этих групп, а северные узбеки Чимкентского уезда (отделенные от Ташкента полосой казак-киргизского населения)—к III-ей.

Доводы в пользу гибридного происхождения узбеков, можно разделить на антропологические, исторические, лингвистические и этнографические.

Приводит самостоятельно антропологические аргументы, я не в состоянии, так как этим вопросом никогда не занимался. И я ограничусь поэтому просто ссылками на двух исследователей—(цитирую обоих по книге Шишова «Сарты»), подходящих к объяснению антропологических черт узбеков с предпосылкой о наличии в них смешения: иранской и турецкой (или алтайской**), а также, как иногда говорили: туранской) крови.

Так исследователь Уйфальви («Туркестанский край» СПб. т. I, стр 352—3) считает «сартов» Ферганы за народ смешанного происхождения,—продукт смешения завоевателей-узбеков, (т. е. турков по крови) с первобытными обитателями иранцами

*) Потому что в известной степени иранское влияние (например в виде заимствованных слов) находится во всяком узбекском говоре.

**) Термин «алтайский», «алтайские языки и народы»—лингвистического происхождения и он означает совокупность языков (и говорящих на них народов), относительно которых можно предполагать, что они в родстве между собой, т. е. образуют собою языковое семейство (алтайское), и что прародина их—на Алтае. Сюда относятся языки: турецкие, монгольские (собственно монгольский, бурятский и калмыцкий), тунгусские (в том числе обладающий письменностью—маньчжурский), и—по моему мнению—также корейский. С другой стороны, алтайские языки сближают (положим без достаточно веских оснований) с угрофинскими (или так называемыми «уральскими») языками под общим именем „урало-алтайского“ семейства.

Итак, турки—„алтайцы“ (по языку и по происхождению).

(тоджиками). «Они среднего роста, хорошо сложены, черты лица довольно приятны, борода—часто густая, но скулы всегда маловыдающиеся, и вообще сарта легко отличить от таджика. Иногда смешивается кара-киргизская кровь с иранской и тогда немного скошенные глаза и угловатое лицо служит тому доказательством».

Женщина-врач Пославская (в «Обзоре деятельности лечебницы для туземных женщин и детей в Ташкенте», 1894, стр. 82) пишет: «По типу лица сартянки могут быть разделены на две категории: одна больше приближается к монгольскому типу с широкой черепной крышкой, низким лбом, широкими скулами, коротким, широким носом, смуглым цветом кожи, узкими глазами и чуть приподнятыми углами век (турки-узбеки); другой тип—арийский—очень красивый с красивой маленькой головкой, нежным овалом лица, не резко очерченной нижней челюстью, с большими черными миндалевидными глазами, нежным смуглым цветом лица и всей кожи, с ярким румянцем. Густые, длинные волосы, часто достигающие до колен, составляют особенность обоих типов сартянок...».

Примесь арийской—иранской крови сказывается в узбеках-ташкентцах с несомненностью,—что явствует, например, из сравнения этих узбеков с казак-киргизами, которых можно считать представителями антропологического «алтайского» типа (—несмотря на то, что казак-киргизы по крови и не могут считаться абсолютно чистыми турками: в них несомненно есть примесь монгольской и даже, может быть, самоедской крови). Действительно, узбек (—напр. ташкентца) почти всегда с уверенностью можно отличить от киргиза.

Среди бухарцев (города Бухары) явно преобладает—по сравнению даже с ташкентцами—иранский антропологический тип. Встречаются—особенно у бухарцев-стариков—вполне «индо-европейские», я бы сказал, лица.

Зато турецкий (алтайский) тип господствует среди узбеков—как мужчин, так и женщин*)—северно-узбекского района, например в служащем у меня постоянным примером кышлаке Кара-Булаке. У вполне единичных представителей иранского типа можно убедиться путем распросов в том, что их предки в недавнем прошлом—выходцы из тоджикских поселений (например явно-арийская наружность и тоджикское происхождение

*) Нужно заметить, что в кышлаках, где женщины заняты работой, их несравненно чаще можно увидеть без чимбета (—чимбет или чачван—большая и густая сетка из черного конского волоса, носимая узбечкой на лице); многие, выходя на улицу, закрываются только паранджей (паранджа—род женского халата, ворот которого надевается на голову) в домашнем же быту Кара-Булака женщины нередко показываются совсем открытыми, что недопустимо в Ташкенте (за исключением революционно-интеллигентных семейств).

у старика—бывшего волостного управителя Кара-Булака при царском правительстве).

Исторические данные в пользу смешения двух элементов в узбеках можно видеть, между прочим, в эволюции значения социально-этнического термина «сарт» (попутно с эволюцией значения и другого этнического названия — «тоджик»).

Слово «сарт», о происхождении которого писалось чрезвычайно много (Остроумов «Значение названия «сарт» 1884, Вамбери, Пашино, Уйфальви, Наливкин, Бартольд и др.), встречается уже в XI веке в уйгурском сочинении «Кудатку-Билик») и именно со значением «торговец» (в выражении сартлар башы—«глава сартов», т. е. предводитель каравана торговцев). Таково, очевидно, и было первоначальное значение этого слова, ибо, по акад. Бартольду, оно происходит от индийского слова, значившего «купец», ~~и~~

Таким образом, основной, этимологический смысл термина «сарт»—не этнический, а социально-экономический. Естественно, что потом им стали обозначать оседлое торгово-земледельческое, преимущественно торговое, население (главн. образом городское). А так как в эпохи, непосредственно следовавшие за появлением турок в Туркестане (вряд ли турки укрепились в Туркестане ранее 6-го века), оседлым, торговым и торгово-земледельческим населением Туркестана (Ферганы, Согдианы, Шаш'а) были именно никто другой, как иранцы, и с другой стороны эти занятия оседлых иранцев (торговля и связанное с ней земледелие), окрашивались презрением в представлении турок—кочевников-завоевателей, то этот термин, в его переходе от чисто-социально-экономического к этническому значению, мог получить значение—отнюдь не «турки», но только «иранцы». И вот в 15-ом и 16-ом веках, мы знаем по литературным памятникам; слово «сарт» означало—городских (оседлых) жителей персидского (—восточно-персидского, т. е. тоджикского—в нашем смысле, разумеется) происхождения. С этим значением употребляют слово «сарт» и знаменитый Наваи (Мир-Али-шер, поэт и писатель 15 века, писавший на средне-азиатско-турецком языке, автор трактата *محاکمة اللغتين* «Соперничество двух языков»—именно персидского и турецкого) и, с другой стороны, гениальный Султан-Бабур (основатель «Империи Великих Моголов»**), писатель начала 16 века, умерший в 1530 году)—в своем описании своей любимой—вынужденно покинутой им Ферганы. То же значение

*) Кудат-ку-Билик написано в Кашгаре в 1068—1069 г. уйгурским письмом; кстати недавно членом Узбекской Научной Комиссии найден в Фергане старинный экземпляр «Кудат-ку-Билик», написанный мусульманским (арабским) алфавитом (с известными, конечно, палеографическими особенностями). «Кудат-ку-Билик» значит «Наука быть счастливым».

**) Хотя ни он, ни его потомки не были монголами. В этом названии властителей Индии—«Великий Могол»,—плод недоразумения.

(—оседлый иранец, не знающий по турецки т. е. по узбекски или по чжагатайски) слову «сарт» дает и анонимный автор словаря, называемого по первому слову—Абушка («дедушка»).

Итак, поскольку термин «сарт» принимал этнический (после социально-экономического) смысл, он означал «неотуречившегося» (оседлого) иранца (не говорившего по-турецки), и отнюдь не мог—в то время—означать турка (узбека).

Но вот происходит массовый процесс туркизации местного оседлого иранского населения—оно принимает турецкий (узбекский) язык, становится в нашем смысле узбеками (т. е. происходит то, что было и закончилось в Ташкенте, тогда как в ряде других пунктов сосуществует с узбекским и тоджикский язык). Таким образом, «сарты» в древнем значении этого слова—теряют свой отличительный признак—незнание турецкого языка (наоборот они забывают исконный свой—иранский язык и становятся турками по языку). Но так как, кроме этой туркизации, никаких сдвигов не произошло в носителях названия «сарт»,—сменились только поколения отцов поколениями детей и внуков, то название «сарт» перешло по наследству к этим внукам, которые по языку были уже не иранцами, а турками. Теперь нужно было в отличие от «сартов»—уже туркизованных—(т. е. от оседлого населения, перешедшего на турецкий язык, как например, Ташкентцы) создать новое название (ибо «сарт» уже перестало годиться)—для населения, сохранившего иранский (восточно-персидский) язык, т. е. устоявшего против туркизации (—каковы, например, говорящие донные по-тоджикски части населения Коканда, Ходжента, Самарканда, Бухары и других мест).

К ним прилагается название «тоджик» تاجیک или تاجیک (Примеч.: я пишу «тоджик», а не «таджик»,—следуя Ташкентскому произношению: тоджик). Слово это в свою очередь имело эволюцию. Первоначально (в эпоху, соответствовавшую тому, что «сарт» обозначало иранцев по языку) «тоджик» означало мусульманских завоевателей края—арабов. Поскольку арабы оседали в Туркестане и входили—через смешение—в состав коренных его народностей, и, в частности, в состав оседлых иранцев, слово «тоджик» перешло на последних (вместе с растворившейся в них арабской кровью); и следовательно, слово «тоджик» стало обозначать то, что раньше обозначалось словом «сарт». Получается следующая схема этой последовательной смены значений:

Эпоха	Слова	Значение
Древнейшая (от вторжения турок и кончая, по крайней мере, 16-ым веком).	«Сарт»	Иранцы
	«Таджик»	Арабы
Позднейшая и современная.	«Сарт»	Турки (по языку; оседлые).
	«Тоджик»	Иранцы

Академик В. В. Бартольд («Таджики. Исторический Очерк», 2 глава), указывая на арабское происхождение названия «таджик», приводит следующие данные:

«В до-мусульманской Персии, при династии сасанидов (3—7 в. в.), ближайшим географически к Персии бедуйским племенем было племя Тай; им же был построен город Хира, к западу от Ефрата (близ Хиры при исламе, как известно, возникла Куфа), впоследствии столица арабского княжества, находившегося в вассальской зависимости от Персии. Уже в 3 в. по Р. Х. один из сирийских авторов, писавший в Эдессе, употреблял слово «Тай», наравне со словом «саракины», для обозначения всех вообще бедуинов. От названия того же племени образовано средне-персидское или пехлевийское (пехлевийским называется персидский литературный язык эпох парфянской и сасанидской) и армянское *тачик* в смысле «араб»; в мусульманскую эпоху мы видим более поздние формы *тазик* и *тази*; от первой образовано турецкое *теджик*. Чередование букв з и дж указывает на звук ж; и действительно мы находим у Махмуда Кашгарского форму *тежик*. Махмуд Кашгарский, как и другой турецкий автор XI в., Юсуф Баласагунский, употребляет это слово уже в значении «перс», но раньше турки называли таджиками арабов, на что указывает китайское *да-ши* «араб».

По понятиям того времени, принявший ислам тем самым становился арабом; когда бухарские вельможи в 728 г. сообщили арабскому наместнику Ашрасу об успехах мусульманской пропаганды в Туркестане, они употребили выражение: «все люди сделались арабами». Вполне естественно, что для турок теджиками (по турецкому произношению) были не столько люди арабской национальности, сколько приходившие к ним в степь представители ислама и мусульманской культуры, среди которых численный перевес, несомненно, скоро перешел к западным иранцам, так как число арабов, переселившихся в Среднюю Азию, не было значительно. Оттого для турок «теджицким» языком сделался персидский; когда турки завоевали мусульманские области и ближе ознакомились с двумя главными мусульманскими народами, арабами и персами, они сохранили слово «таджик» только для персов и стали отличать таджиков от арабов, хотя первоначально персы и, по их примеру, турки именно арабов называли таджиками».

Разумеется, арабский элемент вошел не только в состав со временных тоджиков (говорящих по-ирански); с туркизацией

тоджиков, т. е. с их превращением в «сартов», арабская кровь оказывается частично и у узбеков (в нашем смысле слова, т. е. у «сартов» по дореволюционной терминологии). В качестве примера можно сослаться на родословную бывшего комиссара Просвещения Туркестанской Республики тов. Ишан-Ходжаева (родом из Ферганы, из Андижана). Предки его по мужской линии—завоеватели—арабы, осев в Фергане, объирались—смешались с иранским населением (став, т. о., «сартами» в древнем смысле этого слова), а затем—с туркизацией «сартов»—перешли на турецкий язык, стали узбеками.

В другом районе Туркестана—в Туркмении, арабы одинаковым образом вошли в состав турецкой—туркменской нации (целые роды ведут происхождение от арабов); как и в Фергане, так и в Туркменистане эти арабы вполне утратили свой язык, и ассимилировались.

Итак, как мы видели, этимологическое (—основное, первичное) значение слова «сарт»—социально-экономическое, а не этническое (—т. е. не название национальности). В связи с этим Остроумов склонен отрицать этнический смысл у этого слова и в современном быту. Это не совсем так. Действительно, слово «сарт» не служит постоянным и общим для всех оседлых узбеков этническим обозначением: обыкновенно на вопрос «кто ты?» можно услышать вместо слова „сарт“ (которое прививалось, может быть, именно в период русского владычества, как обще-национальное название,—под влиянием русских и русской терминологии) такие ответы: „я—ташкендец“ (تاشكندلك مدن).

„я—Карабулак'ец“ (قارابولاقلى) «—бухарец» (بوخارالك) «—Манкент'ец» (مانكندلك) и т. д., что говорит за преобладание местно-коллективного самосознания над общенациональным (да если мы вспомним эпоху существования Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств, то должны сказать, что иначе и быть не могло). Данные переписи, а также данные работы пр. Маллицкого по составлению этнографической карты Ташкентского уезда показывают, что на распросы многие, кого прежние исследователи смело называли бы «сартами», называли себя или просто «турк» (تورك).

* Слово *түрк*—весьма древнее этническое наименование: оно встречается уже в орхонских памятниках (где *түрк* будун—«турецкий народ»—означает самих орхонских *турук*). Для меня несомненно, что «Ту-кюэ» в китайских надписях на тех же орхонских памятниках («Ту-кюэ»—приблизительная передача современного чтения данных китайских иероглифов) передает форму турецкого множественного числа от того же термина «турк»—т. е. «турклар» или «турклер»,—ибо древнее (современное написание памятников) северно-китайское чтение этих иероглифов—*тур-кюэ* (заменившее собою—в эту эпоху—более древнее произношение *түт-кюит*),

или же по одному из родов (ныне окончательно распылившись); один, например, назвал себя даже Карлук'ом (qarluq*)

Или же, наконец, на вопрос „кто ты?“, как выше уже указывалось,—получался нередкий ответ в виде указания не на племенную принадлежность, а на религию: „—я мусульманин“ (**).

Но все же современные нам факты таковы, что термин „сарт“—это единственный более или менее общеизвестный термин этнического значения, распространенный среди оседлых узбеков. И значит смысловую эволюцию—в виде перехода значения слова „сарт“ от социально-экономического (торговец—» оседлый») к этническому (наименованию народа)—надо считать осуществившейся.

Примечание: Термин «сарт», в котором смешиваются социально-экономический и этнический смыслы, можно сравнить—поэтому—с термином „тат“ в Сев. Персии, Азербайджане, и в Крыму,—которым кочевники презрительно называли оседлых (и между прочим, северные крымчаки—южных, в которых турецкий элемент сильно смешан—с потомками греков, готов и пр.). Слово «тат» тоже стало этническим названием.

Тут вполне законен вопрос: почему же революционная интеллигенция Узбекистана не взяла слова «сарт» для обозначения узбекской национальности? Почему, следовательно, мы имеем сейчас не „Сартскую“, а „Узбекскую“ С. С. Республику?

По моему, тут можно учитывать два обстоятельства: во первых,—именно *турецкую* (—*тюркскую*) окраску узбекского национализма (т. е. то, что узбекский национализм хочет видеть в своей нации прежде всего *турук*), а термин «узбеки» именно и связан с историческими традициями *турецкого* племени, участвовавшего в образовании современных нам узбеков,—чего нельзя сказать о термине «сарты». Во вторых,—термин «сарт» ассоциируется с недоброй памяти эпохой русской царистской колонизации. Действительно три термина, проникнутые

и более близкого звукосочетания (чем *тур-кюэ*) совершенно нельзя было найти в китайском языке (данной эпохи и данной территории) для передачи турецкого «турк-лер» (или «турк-лёр»).

Насколько, однако, термин «турк» служил родовым этническим (т. е. обще-племенным) термином для всех турецких племен (а не для одних лишь орхонцев)—сказать весьма трудно.

* Карлук—одно из очень древних турецких племен, которое также упоминается в орхонских надписях; в китайской транскрипции оно передается иероглифами, читавшимися в ту эпоху (в северно-китайском диалекте)—*кар-лук* (— вместо более древнего произношения *кат-лук*).

** Интересно отметить, что на исключительное обозначение именем «мусульман» претендуют разные народности; так например, горные тоджики Припамирья называют себя «мусульманами» и свой язык «мусульманским»—в отличие от *турук*—узбеков и от узбекского языка.

духом этой колонизации, живут, к сожалению, и до сих пор в не культурной части русского населения края, по адресу узбеков—: «сарт», «сартиска» и, наконец, —«зверь» (последнее выражение присуще, конечно, отбросам русского населения, сохранившим донные животную психику полицейско-колонизаторского режима).

Итак, слово «сарт» ассоциируется с русским колонизаторством и потому есть слово осужденное.

К тому же надо прибавить еще презрительную Volksetymologie («народную этимологию», —народное осмысление слова) казак-киргизского происхождения, производящую «сарт» из «сары ит» (по казакски ساری ئت), что значит «желтая собака».

Народная этимология эта, хотя к ней и привязаны созданные ad hoc легенды (о них см. в книге Шицова «Сарты»*), явно не соответствует, разумеется, фактическому происхождению слова.

Решающим критерием по вопросам гибридизации и метисации**) народностей считается в современной науке критерий лингвистический (т. е. данные языка той национальности, о которой идет речь). И строго говоря, те положения, которые высказываются относительно родства двух этнических единиц (—двух народов), остаются гипотезами, покуда они не подтверждаются лингвистическим анализом их языков. (Так было, например, с вопросом о родстве японцев и малайцев, положительное решение которого наклеивалось [на основании антропологических, географических и иных данных], но оставалось гипотетичным—до тех пор, пока не было подтверждено линг-

*) Интересно предание, записанное г. П. Комаровым. «В Кафиристане существует речка под названием «Сары-ит», что значит в переводе «Желтая собака». Эта речка получила название по поводу того, что в ней погибла желтая собака, славившаяся своей силою и принадлежавшая тогдашнему местному богатырю, который носил имя «Фарс». Один из потомков Лота с семейством своим, оставшись в живых, после того как племя Лота было Господом Богом истреблено, прибыл в Кафиристан и, поселившись на реке Сары-Ит, занялся хлебопашеством и приобрел несметные богатства; наконец, прославившись под именем реки «Сары-ит», он объявил себя владыкою всего племени, жившего по той же реке. Потом он занял весь Кафиристан, однако земель, удобных для посевов, и в Кафиристане не хватило для всех из его племени. Тогда с многочисленным войском он двинулся в Туркестан, постепенно занял его после трудных и продолжительных войн, положил здесь основание многих городов и рабатов (станций) и сделался великим в Междуречьи (Мавараннахре) царем. Народ его стал носить название сартов и все, ныне называющие себя сартами, считаются по преданиям потомками того же народа».

**) Гибридизацией называется смешение не-родственных (как, например, турки и иранцы) народностей и языков, а метисацией—смешение родственных языков (как, например, древне-болгарского и русского в современном русском литературном языке).

вистическим анализом японского языка, вскрывшим в нем малайские элементы*).

Н. П. Архангельский в журнале «Наука и Просвещение» упоминает, что в моей статье «Звуковой состав Ташкентского диалекта» «присутствие иранской «языковой подпочвы» в Ташкентском говоре доказано чисто фонетическим подходом» (стр. 40 в № 2 «Науки и Просвещения» 1922). В виду того, что другие мои работы, где этому лингвистическому (и в частности—фонетическому) доказательству гибридного (—из смешения иранцев с турками) происхождения Ташкентских узбеков отводится более подробное изложение, — до сих пор еще не вышли в свет, мне до сих пор приходится ссылаться в этом вопросе на вышеупомянутую небольшую статью («Звуковой состав Ташкентского диалекта» в № 1 «Науки и Просвещения». Ташкент, 1922). Необходимо оговорить, что это фонетическое доказательство «иранской этнической подпочвы», т. е. того, что прямые (по крови) предки данного узбекского говора говорили несколько столетий тому назад по-ирански, относится отнюдь не ко всему узбекскому языку, а только к таким иранизованным его говорам, как г. Ташкента, относительно которого можно поэтому с бесспорностью утверждать, что здесь жило некогда сплошное иранское (тоджикское**), т. е. восточно-персидское население, которое потом перешло на турецкий (узбекский) язык, язык победителей.

Для прочих же говоров, в особенности для северно-узбекских говоров (—оседлых узбеков—«сартов» Чимкентского уезда), как с другой стороны и для говоров полу-кочевых узбеков Самаркандской области, языковая картина совсем отлична, и на основании ее отнюдь нельзя видеть в предках населения этих районов иранцев.

В Кара-Булакском, например, говоре (как и во всех соседних кышлаках и в городах Туркестане и Чимкенте) нет ни фонетических, ни морфологических следов иранского (персидского), и персидское влияние приходится искать в словаре. Но ведь и в казакском (казак-киргизском) мы найдем не мало персидских слов и даже суффиксов не подлежащих даже действию сингармонизма; следовательно Кара - Булакский с

*) См. в Известиях Ак. Наук за 1918 г. «Одна из японо-малайских параллелей», а также в «Бюллетенях САГУ» 1924, № 4.

**) Термин «тоджик, тоджикский» встречается в литературе по Туркестану с двумя значениями: 1) для обозначения равнинных тоджиков, говорящих по восточно-персидски, т. е. на восточных говорах персидского языка (персидский же, в целом,—один из иранских языков), 2) для обозначения горных, Памирских тоджиков (гальча), говорящих большей частью уже не по-персидски, а на самостоятельных иранских языках,—так сказать братьях персидского языка (например шугнанский, и другие языки). (Слово «Гальча»,—из древнего «Гарча»—родственно и сходно по значению с русским «Горец»). Здесь (в Ташкенте)—конечно жили равнинные тоджики.

точки зрения наличия персидского влияния почти соизмерим с казак-киргизским. Да и с точки зрения словаря, количество персидских заимствований в Кара-Булакском несравненно меньше, чем, например, в том говоре, на котором говорят оседлые узбеки Бухары.

Основной факт, устанавливающий — в данном фонетическом доказательстве — иранскую (восточно-персидскую) этническую подпочву иранизованного—Ташкентского (и сходных с ним) говора, — это — вокализм, или система гласных звуков этого говора, которая является прямой копией восточно-персидской системы гласных (и, с другой стороны, отнюдь не похожа на типично-турецкую, сингармоническую). Не вдаваясь в подробности, приведу просто схему:

Системы гласных звуков.

Ташкентская (иранизованная узбекская)	Восточно-персидская	Нормально-турецкая (северно-узбекская или казак-киргизская)
Узкие i ^ˆ (mutabile) y ^ˆ	i y	и у ы у
Полу-узкие e ^ˆ o ^ˆ	e: o:	e o
Полуширокие ä ^ˆ ɔ ^ˆ (ɔ)	ä ɔ:	а
<p>Примеч. Двоеточие означает долготу гласного.</p> <p>Примеч. В некоторых персидских говорах звуки e: и o: отсутствуют, но этого нет никаких данных допускать в говоре, служившем персидской подпочвой для Ташкентского.</p>		<p>Передние Задние (по работе языка) гласные.</p> <p>Примеч. В скобки заключены губные (лабиализованные) гласные.</p>

Итак мы видим, что вместо 9 гласных фонем (или звуко-представлений), наличных в типично-турецкой (например, северно-узбекской) системе, в Ташкентском их всего 6, что как раз соответствует тджикской (восточно-персидской) системе. Ташкентский утратил таким образом целых три фонемы. Объ-

зательным следствием при таком сокращении гласной системы была утрата сингармонизма или «гармонии гласных»: вместо пары из двух гласных в Ташкентском одна фонема, именно на месте обще-турецких о и ö — Ташкентское о (закрытое, близкое к русскому «у»), на месте у и ü (нем. ü) — Ташк. у, на месте ы и и — в Ташкентском одна фонема: i mutabile (изменяемое), изменяющееся в известных пределах — в зависимости от соседства с определенными согласными.

В соответствии же турецкому звуку а оказалось, благодаря наличию в персидской подпочве фонемы ɔ:, — две фонемы ä и ɔ. Первая заменяет турецкое а — в тех случаях, когда это турецкое а произносилось сравнительно короче — именно на конце слова; это потому, что соответствующая фонема в персидской подпочве (ä) была принципиально кратким гласным (тогда как ɔ: было принципиально долгим). Равным образом ä заменяет турецкое а и в прочих случаях, способствовавших сокращению этого гласного, а также — в суффиксах, где турецкое а чередовалось с е (или ä). Поэтому турецкое а заменено через ɔ (из персидского ɔ:) во всех тех случаях, где оно не произносилось очень кратко (как то было в конце слова).

Потому, например, древне-турецкое слово бала «ребенок» (в северно-узбекском — бала) изменило в ташкентском свои гласные следующим образом: первое а (в 1 слове ба, следовательно, не на конце слова), как сравнительно более длительное, было приравнено (в мышлении аборигена — иранца, воспринимавшего это слово — бала — в составе изучаемого им турецкого языка) иранской фонеме ɔ: (которое было принципиально более длительным, чем ä); и, значит, слог ба стал звучать как бɔ. А второе а (в слове ла, бывшее в абсолютном конце слова) как менее длительное, не могло уже быть передано иранской фонемой ɔ: (долгой!), и потому получило другой субститут — ä; и значит вместо слога ла — получилось лä.

Таким образом, из бала получилось Ташкентское бälä (что русскими буквами приблизительно можно передать в виде бояэ или болэ).

Совершенно по тем же причинам (ведь законы изменения звуков обязательны для всех слов, где встречаются данные звуки в одинаковых условиях) турецкое слово атä «отец» изменилось в Ташкентское тälä (русскими буквами приблизительно — отэ). То же встретим и во многих других словах со звуком (обще-турецким) а.

Примечание. В Самаркандском говоре узб. языка ä встречается чаще, чем в Ташкентском (т. е. в соответствии ташкентскому звуку ɔ). В частности, в Самаркандском произношении слова بالله بالا (в Самаркандском — бälä вместо Ташкентского бälä) звук ä в первом слове обяс-

няется может быть влиянием однозначного персидского (тоджикского) слова — به چه — бәчә, бәччә «дитя, сын, ребенок» (что допустимо ввиду сосуществования в Самарканде бок-о-бок тоджикского и узбекского языков).

Итак, общая картина такова, что турецкий словарь (—в смысле совокупности слов тур. языка) заучен—в Ташкенте и Самарканде—коллективом с такими языковыми мышлениями, которым были привычны только данные 6 персидских гласных. А поэтому все турецкие гласные переданы этими шестью. И подробный разбор всех происшедших при этом звуко-изменений вполне подтверждает это положение.

Кроме фонетики, иранская (тоджикская) подпочва не оказалась без влияния и на морфологию (словоизменение и словообразование) в данных иранизованных говорах. Отмечу здесь только 2 факта.

В Самаркандском и Бухарском узбекских говорах вместо местного падежа (Locativ'a) на -дә • د (из обще-турецкого • د / ا د) употребляется (на вопрос: «где?») форма дательного падежа—на -гә گه (из обще-турецкого گه / عا). Объясняется это тем, что в тоджикских говорах этих городов так же служит—и на вопрос «где?», и на вопрос «куда?»—один и тот же суффикс (—не префикс, как в стандартном персидском)—бә.

Другой пример морфологического влияния персидского языка:

Обычное в Ташкентском при числительных—tä ته («штука»), например біттә بنته «1 штука» (из бір тә برته) іккітә ئىككىته «2 штуки», үчтә ئۈچته «3 штуки», қирқтә فرقتә «40 штук» и т. д.,—просто заимствовано из персидского языка (почему этого суффикса и не оказывается в других турецких, напр. татарском языке).

Я не буду останавливаться на словарном влиянии персидской подпочвы на иранизованные узбекские говоры, так как это завело бы нас слишком далеко.

Нужно сказать, что показательное (для установления факта гибридации) значение словарных персидских заимствований—совсем не таково, как показательное значение фонетических черт, ибо словарные факты имеют тут значение только относительное: только из количественного преобладания персидских заимствований в таком-то говоре можно сделать, м. б., какой либо вывод в пользу допущения персидской подпочвы у этого говора. Ибо персидские заимствования есть, как и арабские, в любом мусульманском турецком языке (напр. в татарском, киргизских и пр.), и причина этому—в общей культурной истории Ислама и исламизованных турок.

Попутно отмечу еще, что факт персидского словарного заимствования можно предполагать в узбекском слове мән

—«я», которое в других турецких языках (киргизских, например) *) а также в (неиранизованном) говоре полукочевых узбеков (Самаркандской области) звучит не мән, а мен.

По персидски «я»—mān (пишется من, ибо гласная буква для звука ā—здесь не пишется), которое восходит к древне-персидскому**) родительному***) падежу мана [это древне-персидское мана, —если принять во внимание переход индо-европейского «е» в арийское «а»,—восходит к пра-индо-европейскому * mēne, откуда с другой стороны и древне-церковно-славянский родительный падеж мене, например, в евангелии: мене ради].

Совпадение (между обще-турецким мен и ново-персидским мән—из древне-персидского тапа) можно назвать случайным. Но почему же в узбекском (у оседлых узбеков) не мен, а мән? Можно думать, что это просто персидское слово (т. е. звук ā обусловлен ассоциацией с персидским мән): Мы находим эту форму—мән,—не только в Ташкенте, Самарканде и Бухаре (т. е. в «иранизованных» несингармонистических говорах), но и в сингармонистическом северно-узбекском. И только у полу-кочевых узбеков—мен, чем собственно и поддерживается высказанная гипотеза о персидском происхождении узбекской формы мән (ибо там, где менее всего можно ожидать персидского влияния,—у полу-кочевых узбеков, мы и находим чистую турецкую форму, с «е»). Правда и у полу-кочевых узбеков, как замечает, между прочим, П.Е. Кузнецов в своей статье в «Сборнике в честь проф. Шмидта», местоименная морфема эта звучит -mān—в том случае, когда она служит суффиксом (личным суффиксом 1 лица в спряжении глаголов или имен: біләмән «знаю», өзбәкмән «я узбек»). Но это объясняется просто—без всякой надобности в привлечении персидского материала,—дело в том, что гласный е, возможен, как и о, в большинстве узбекских говоров только в начальном (1-м) слого слова; поэтому возможно и мен (у полу-кочевых узбеков Хивы и Самаркандской области) как отдельное слово [«я»], в суффиксах же (в противоположность киргизскому языку) е невозможно, и следовательно ā в біләмән, өзбәкмән (в слове өзбәкмән, мән—конечно, суффикс, личный суффикс спряжения имен) объясняется фонетически на узбекской же почве.

) Татарское мән также восходит к праформе мен (не мән!), так как в татарском обычен переход (сужение гласного) е → і.

**) Под древне-персидским понимается язык клинообразных надписей Дария, Ксеркса и других: самая ранняя из этих надписей относится к 520 году до нашей эры.

***) Родительный падеж дал в ново-персидском форму именительного падежа—в связи с эволюцией конструкции: др.-перс. man[a] kart[am] («мною, букв. меня—род. пад.—сделано»; —т. е. пассивный оборот) в ново-перс. mān kārđ [+ām] «я сделал» (активный оборот).

Если допустить верность этого объяснения (звука *ä* в *من* персидским влиянием,—влиянием персидского слова *мін* «я»), то эту черту [*мін* в одних, *мен* в других узбекских говорах] можно взять как пример градаций в степенях персидского влияния на отдельные узбекские говоры. Набросаем по случайным—выше упомянутым чертам несколько (—4) таких градаций, для того, чтобы закрепить положение, что в отдельных местах узбекской территории разные степени иранизации. Начнем с максимально иранизованных говоров:

1. Самаркандский. а) Иранизованный—в смысле: «несингармонистический» (число гласных фонем 6, и т. д. и. т. д.) обще-турецкое ата «отец»→Самаркандское *этä*.

б) «я»—*мін* (как в перс.: персидское *من*—*мін*), разуме етс и в суффиксах: *бэрäмін* и т. д.

в) вместо суффикса *Locativi* (местного падежа) *dä* употребляется суффикс Дательного—*гä* *گه*, что можно (см. выше) объяснить влиянием Самаркандского тоджикского говора. Еще, следовательно, на 1 черту больше иранизационных фактов, чем в Ташкенте.

г) сосуществование донны бок-о-бок Самаркандского узбекского и Самаркандского тоджикского (как дело обстоит и в Бухаре и в Коканде и в Ходженте, но не в Ташкенте) заставляет а priori считать иранизирующее влияние более длительным, а следовательно, можно предполагать,—и более чреватым последствиями, чем в Ташкенте.

2. Ташкентский. а) Иранизованный «не-сингармонистический», обще-турецкое ата «отец»→Ташк. *этä*.

б) «я»—*мін* (*مین*), не *мен* (*من*), —как и в Самарканде.

в) в отличие от Самаркандского говора имеется местный падеж на—*dä* *دä* (например *كۆچدە*, *تاشكەندە*, *ئانەدە*)

г) Ташкентский тоджикский уже несколько поколений, как вымер (вероятно в 17 столетии*).

3. Кара-Булакский (как образец северно-узбекского).

а) неиранизованный—в смысле: «сингармонистический» (9 гласных фонем); «отец»—ата (не *этä*; звука *э* вообще нет, так как он в Ташкентском иранского происхождения).

б) «я»—*мін* (не *мен*!).

*) Позволю себе назвать здесь 17 столетие голословно; лингвистическое доказательство завело бы нас слишком далеко. Дело в том, что лингвистические данные гораздо легче и достовернее можно использовать для установления факта какого-либо влияния, чем для его хронологизации. Здесь же—в частности—приходится судить по числу процессов (звукоизменений), имевших место в Ташк. говоре после его иранизации. А подобные расчеты, разумеется, точною обладать не могут, а по своей сложности не могут и быть изложенными в какой-либо работе кроме специально-лингвистического исследования.

в) Самаркандское смешение местного и дательного падежей, конечно, отсутствует: есть местный падеж (на да *دä* /дä *دä*).

г) Иранской подпочвы, можно думать, никогда на территории Кара-Булака не было; она была с беспорочно только у отдельных, вполне единичных Кара-Булакцев (как вышеупомянутый бывший старшина),—выходцев из тоджикских поселков. Иранский языковой период в истории тех двух пунктов, откуда пришли главные массы Кара-Булакцев,—именно Икан'а (откуда *یقانلیق*'и) и Отрар'а (откуда *отрарлық*'и), допустим, но в сравнительно очень отдаленном прошлом.

4. Говоры полу-кочевых узбеков (например, родов *маһыт* и *мін*).

а) неиранизованные, сингармонистические; «отец»—ата (не *этä*; звука *э* вообще нет).

б) «я»—*мен* (*مین*), а не *мін* (*من*); в суффиксах же (напр. в *كېلەمەن ئۆزبەكەن*)—*мін*.

в) местный падеж (на да *دä* /дä *دä*) конечно имеется.

г) иранской подпочвы допускать нельзя; имеется прямое преемство турецкого языка, как и турецкого быта (кочевой→полукочевой) вплоть до новейших явлений полного оседания на землю.

Данные градационные признаки взяты, конечно, вполне случайно; вместо них можно было бы взять и другие, черты, равно как и другие примеры говоров. Эта схема имеет лишь значение «нотабене» к тому, что вопрос об иранизации разрешается по разному (в разных градациях иранизационных признаков) для каждого отдельного говора.

Никакой речи об едином факте иранизации обще-узбекского пра-языка быть не может.

Совершенно иное значение, да и характер по сравнению с лингвистическим имеют этнографические свидетельства в пользу гибридизации. Быт и культура, как материальная, так и духовная, суть вещи, в общем более подвижные, чем язык и в частности фонетика и морфология языка (словарь же, в известных пределах, есть производное от фактов быта и культуры), и эволюционируют они иначе, по другим принципам и условиям, чем язык (в частности фонетика и морфология). Потому может быть полное заимствование культуры без всякого (или с минимальным) кровным смешением. Сравни влияние Голландии, Франции и Германии на Россию начиная со второго десятилетия XVIII века—это культурное влияние было всеобъемлющим (словарь тоже наполнился голландскими*), а затем немецкими и французскими и латинскими сло-

*) Об этом первом периоде—влияния именно Голландии говорит история имен Ленинграда: ведь первое его имя—Питербурх—голландское (Петр по голландски—Питэр), второе—(Санкт) Петер(с)бург—уже немецкое.

вами), а расового смешения никакого (за исключением отдельных случаев браков у нашего дворянства, напр. с французскими эмигрантами) у русского народа с Западом и не было. Потому не было и предпосылок для перехода от русского языка в России к другому языку (роль французского языка у дворянства сравнима, по культурной миссии, с ролью арабского языка в Туркестане, но аналогии языку-завоевателю, турецкому языку, в России не было никакой; в предыдущие же эпохи аналогю в известной мере представляет тот же турецкий язык—в России во время татарского нашествия, и не даром вошло столько турецких слов в русский словарь).

Итак, быт и культура в своей эволюции более гибки, чем язык. А потому факты культурных заимствований ничего еще не говорят о наличии гибридизации по крови. Однако, вскрывая весь целиком материальный быт и народное литературное творчество узбеков, мы найдем картину говорящую именно в пользу иранской этнографической подпочвы у данного турецкого по языку народа. Найдем, конечно, и турецкое (идущее от кочевых, так называемых «примитивных» турок) бок-о-бок с иранским. Возьмем ли узбекскую весеннюю обрядовую песню, язык которой—смешанный тоджикско-узбекский (в узбекской песне напр. «рука»—вместо قول *قول* — даст *ده دست* т. е. по тоджикски, и т. п.) или образец торгово-оседлого эпоса—узбекскую плутовскую (или, же —волшебнo-авантюрную, с другой стороны) новеллу—мы найдем в ней иранскую канву, иранский сюжет, куда иногда вкраплены (иногда механически) типичные мотивы турецкого кочевого—богатырского эпоса. В ниже приводимых образцах мы найдем такие примеры—1) в мотиве о росте богатыря не по дням, а по часам—в плутовской новелле 2) в характерном для киргизского эпоса образе «плешивца» (таз *تاز*; у узбеков *كەل* *كەل*), вошедшем в волшебнo-авантюрный рассказ персидской формации. Словом, не доказательство, а подтверждение уже доказанного (лингвистически и исторически) факта гибридизации мы будем встречать на каждом шагу,—во всем, что составляет жизнь оседлого узбека, и что может быть темой по крайней мере в сто раз более обширного исследования, чем настоящая работа. Демонология узбеков, как мы увидим напр. в мифе об элбости (*ئالباستى*—иранск. ал) тоже—иранского (и отчасти—через иранцев—арабского) происхождения.

Об иранском элементе может говорить и топография отдельных местностей. Не говоря уже конечно о Самарканде и Бухаре—более иранских, чем узбекских до нынешнего времени,—мы найдем ряд иранских названий и в топографии

Ташкента,—в его названиях «махалла»— *ماخالا* (т. е. кварталов или приходов).

Эти названия Ташкентских махалла интересны—по данному вопросу (—об иранской подпочве в Ташкенте)—в двух отношениях: во первых,—тем, что в числе этих названий встречаются просто наименования отдельных (и турецких, и иранских, и даже монгольских) народностей, что—само по себе—уже указывает на существовавшее некогда племенное смешение в населении Ташкента; во вторых, названия Ташкентских махалла интересны для нас национальным признаком своих этимологий, т. е. тем, к какому языку принадлежат эти названия. По поводу названий, заключающих в себе имя национальности (или рода, принадлежащего к определенной нации), приведу след. отрывок из статьи моего ученика (студента Востфака САГУ) Вас. Шишкина. ¹⁾

... «довольно большая и интересная группа названий махалла, очень важная для историка и этнографа, произошла от живших в этих районах или может быть первоначально заселивших их национальных и племенных групп.

В Шейхантаурской части ²⁾ имеются: Кият, Кият-тепе (Хопм Кият), Кият-Янги-Шахар (Кият—название одного из монгольских родов). Как известно, монголы под предводительством Цеван-Рафтана брали Ташкент в XVII веке и некоторое время владели им. Весьма возможно, что часть этих монголов осталась в Ташкенте, дав свое имя этому ряду махалля. В Шейхантаурской же части есть махалля Могол-куча ³⁾—«улица Монголов», имеющие то же происхождение.

Тюрк, Тюрк-Янги-Шахар (новый город тюрков) и Талжик—тоже названия махалля в Шейхантаурской части. В Бешагачской части имеются махалля Узбек ⁴⁾, в Сибзарской—Конглы. Конглы—название киргизского рода, жившего на ташкентских землях еще, повидимому, до образования города ⁵⁾.

¹⁾ «Бюллетень Ташкентского новгородского Исполкома» 1925 г.

²⁾ Туземный Ташкент состоит из 4 частей (*دومە*), бывших некогда, по всей вероятности, отдельными кышлаками: Шейхантаурская, Сибзарская, Бешагачская и Кукчинская.

³⁾ В транскрипции—моул-коча Е. П.

⁴⁾ В транскрипции—озбак (*اوزبک*). Е. П.

⁵⁾ Речь идет, конечно, об основании ныне существующего Старого (т. е. туземного) Ташкента—на нынешней его площади, а не о времени основания древнего Шаша (точное местонахождение которого неизвестно). Е. П.

В Кукчинской части целый ряд махалля носит имя Джегатай, одного из сыновей Чингиз-Хана: Джегатай, Джебгатай-тепе, Джебгатай-чакар, Джебгатай-Янги-Шахар,* что указывает на поселения выходцев из его орд. Если не считать названия «Таджик—м». (تاجیک مه‌الله) да еще названия пригорода «Ирани» (**), каковые содержат в себе названия иранских национальностей (—таджиков и персов —«ирани»), то все вышеназванные названия махалля, основанные на национальном или племенном имени, указывают нам на турок (—именно названия: Тюрк, Узбек, Конглы, Джагатай) или даже на монголов (—названия Кият, Могул-коча). Такое положение дела (наличие названий отдельных кварталов по национальным и племенным названиям турок, и отчасти монголов) легче всего представить себе возможным при таком составе населения древнего Ташкента, в котором данные турецкие (и монгольские) его элементы являлись бы меньшинством, а не наоборот. Действительно, трудно было бы рассчитывать найти в Москве или в другом насквозь русском городе какую-нибудь «Русскую слободу» или «Русскую улицу», тогда как найти там «Немецкую слободу» — вполне естественно. И, следовательно, можно думать, что вышеназванные турецкие (и монгольские) названия махалля даны иранским большинством населения древнего Ташкента по наименованиям тех турецких (и монгольских, допустим) меньшинств, которые их заселяли.

В виде возражения на это, мне могут, положим, указать на название махалля Таджик (تاجیک). Но по поводу этого названия достаточно вспомнить вышесказанное о текущем национальном значении термина تاجیک чтобы согласиться с тем, что в древнейшее-то время само оседлое иранское население нынешнего Узбекистана (которое мы назвали бы таджиками в нашем смысле слова) никак себя таджиками называть не могло; да и впоследствии термин таджик должен был получать еще специальные частные признаки в своем значении (т. е. в добавление к своему второму — по времени — значению: «оседлые иранцы, говорящие не на турецком, а еще на иранском языке»); и, может быть, специфическим признаком тех «Тоджиков», по имени которых окрещена Ташкентская Таджик-махалля,

*) Неоднократно встречающееся в названиях махалля словосочетание «Янги-шахар» (یانی شهر — «Новый город») указывает на позднейший выселок части жителей определенного старого махалля: например, очевидно, что первая и вторая «Тюрк-Янги-Шахар—м.» образовались по мере роста и расселения на новые места жителей Тюрк-махалля. Сравним еще 1 и 2 Кият-Янги-Шахар—м., Минор-Янги-Шахар, Кукча-Янги-Шахар—м.

**) Слово «Ирани» (в транскрипции—ерэні) означает в Самарканде потомков персов рабов, приведенных в Самарканд Тимуром (—руками которых и были, главным образом, выполнены сооружения Тимура); ташкентский пригород «Ирани» вероятно был заселен именно этими «ирани».

было именно их происхождение от арабов (т. е. слово «Таджик» было употреблено в данном случае с отголоском своего первого этнического значения). А вероятнее и проще всего, под таджиками, заселившимися تاجیک مه‌الله, разумелись просто выходцы из другого какого-нибудь пункта, к которым имя таджик прилагалось в отличие от коренного (тоже иранского, или тоджикского—в нашем смысле слова) населения тогдашнего Ташкента.

Переходя к вопросу о персидском или турецком происхождении названий всех прочих махалля (т. е. не содержащих в себе национальных или племенных имен), я снова—для краткости обращусь к вышеуказанной статье тов. В. Шишкина («О названиях Ташкентских махалля»).

«Все названия [— Ташкентских махалля] распадаются в этом отношении на две группы, из коих—наибольшая —тюркская, а меньшая—иранская (таджикская). Вообще иранские и тюркские названия находятся по частям города в таких соотношениях:

Шейхантаурская часть:	тюркских названий	37
	иранских „	14
В Бешагачской части:	тюркских „	24
	иранских „	8
В Сибзарской части:	тюркских „	25
	иранских „	9
В Кукчинской части:	тюркских „	13
	иранских „	15
А по всему городу:	тюркских „	109
	иранских „	46

Кроме того, есть названия (имена, слова одинаково употребляющиеся в том или другом языке и т. д.), которые не могут быть отнесены ни к той ни к другой группе. Этих названий 35.

Таким образом, мы видим, что наиболее тюркской по составу населения является Бешагачская часть, и что наибольшее влияние иранского элемента сказывается в Кукчинской части».

Несмотря на отсутствие полной точности в этом подсчете (ибо 35 из названий махалля остались все-таки вне расчета*),

*) А между тем и некоторые из этих 35 могли бы быть в конечном счете использованы для выводов; наконец В. Шишкиным рассмотрены только названия 190 махалля; на самом же деле число махалля все время возрастало (как вследствие заселения новых мест, так и в результате дробления— под давлением экономических причин: приглашать на „той“ по поводу обрезания, свадьбы и пр.— население слишком большой махалля было не выгодно) и в настоящее время число их превышает эту цифру.

некоторые выводы из приведенной статистики все-же можно сделать.

Рост числа турецких названий махалля (вроде, например *بيش ئاناچ* «5 деревьев» — название махалля и части города), конечно, понятен, поскольку в городе совершился переход от иранского к турецкому языку. Но само наличие (хотя бы и в меньшинстве — всюду кроме Кукчинской части) иранских названий говорит об иранском языковом прошлом населения, — ибо совершенно нельзя себе представить, как могло бы возникнуть например такое название махалля, как «Пушт-и-хаммом» (пушт-е-хаммом по таджикски) — «за баней*» или «Пушт-и-бог» — «за садом».

Равным образом, в совокупности с другими данными приобретает значение и указание вышеприведенной статистики на преобладание турецкого элемента в заселении Беш-агачской, и иранского, наоборот — в Кукчинской части.

Резюмируя вышеуказанное об этническом происхождении узбеков, позволю себе следующие выводы:

1. В состав нынешних *узбеков* (т. е. турецкого по языку основного населения Узбекистана) входят различные — и по быту, и по диалектам, и по кровному происхождению — элементы.

2. Различие по кровному происхождению состоит в том, что предками части узбеков (— прежде всего полу-кочевых) являлись в общем, чистые турки, а у другой части (— прежде всего — населения крупных городских центров) — бывшие иранцы (— тоджики), вступившие затем в смешение с турками-завоевателями, и перенявшие от них турецкий (узбекский) язык.

3. В прежнее время составные части населения Узбекистана (как-то полукочевое и оседлое население) были лишены

* Возьму другой пример — из другой группы названий махалля, — основанных на воспоминаниях о каком-либо событии: «Джангоп» — джангѳп в современном ташкентском произношении: это персидское сложное слово — *جنگو* «место битвы», т. е. то место, где произошла в конце XVIII века битва между Шейхантаурским Хакимом Юнус-Ходжой и 3 другими хакимами, завершившая собою период «Чор-Хаким» (т. е. период самостоятельных правителей у каждой из 4 ташкентских частей). Конечно *h* в персидском *джангѳ* совпало, очевидно, в устах населения — по мере его перехода к узбекской речи, с другим столь же чуждым турецкой речи согласным — *ф*, и согласно общему переходу *ф* → *п* в узбекском языке — заменилось затем звуком *п* (в современной форме слова — *джангѳп*). Но представить себе, чтобы население дало подобное персидское название месту (— махалля), невозможно без допущения периода существования у него персидского (— и именно, конечно, — восточно-персидского, тоджикского) языка.

обще-национального самосознания и общего племенного имени; объединяющий же их в настоящее время термин «узбеки» (*ئوزبېك* — *озбѳк* в произношении иранизованных, *ѳзбѳк* — не-иранизованных говор), происходящий от имени хана Узбека (— *ѳзбек*), принадлежал раньше только части данного населения.

Дальнейшие подробности по вопросу о происхождении (и наименованиях) узбеков читатель встретит в следующей главе: «Основные исторические моменты (в истории узбеков)».

